



кунд книгу окончательно закрыл и авторитетно заключил <...> (Б. Левин, 1965–1994);

Но я слышал от опытных и заслуживших **всяческое доверие** путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек (М. Семенов, 2003);

Возможно, что это так, но, в отличие от Вагнера, их музыка несет нам тепло человеческого сердца, **высокую духовность** и гуманизм (А. Штильман, 2003).

Референциальное многообразие прилагательных, используемых в качестве усилителей антропоморфных существительных, свидетельствует о широком субъективном освоении и присвоении человеком познаваемого им мира. Оба рассматриваемых в статье аспекта антропоцентричности интенсифицирующих прилагательных – регулярное употребление в качестве усилителей прилагательных с антропоморфной семантикой и регулярная интенсификация значений антропоморфных существительных с помощью разнообразных по референции прилагательных – выявляют су-

щественное свойство организации языка/речи, заключающееся в глубокой антропоориентированности человеческой речи и естественного языка.

Примечания

- ¹ Рябцева Н. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. М., 2001. С. 38.
- ² Горошко Е. Языковое сознание : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. С. 64.
- ³ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 297.
- ⁴ Об эгоцентричности интерпретации времени см., например: Иванова Т. Концепт «время» и языковые модели времени // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2003; Мыркин В. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии. Архангельск, 1993; Карасик В. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997.

УДК 821.161.1.09-1+929

БИБЛЕИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

К. С. Медведчикова

Саратовский государственный университет
E-mail: kseniaksm@rambler.ru

В статье проводится филолого-религиозный и духовно-эстетический анализ произведений, позволяющий на их основе реконструировать доминантные категории мироощущения поэтов, выявить воплощение и метаморфозы христианского кода в поэтическом тексте.

Ключевые слова: библиизм, христианский код, мироощущение, идиостиль.

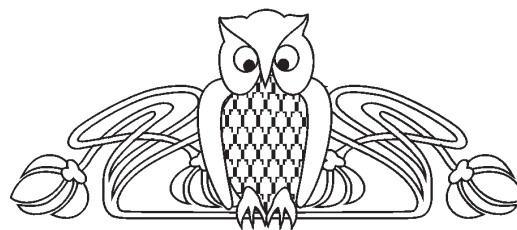
Biblical Expression in Modern Poetic Text

K. S. Medvedchikova

The article offers philological and religious as well as aesthetic analyses of literary works; they enable the reconstruction of the dominant categories of poets' perception of the world; on their basis the embodiment and metamorphoses of the Cristian code in the poetic text can be elicited.

Key words: Biblical expression, Christian code, perception of the world, idiostyle.

Современная литература является отражением человека, чей характер и мироощущение формировались в сложное и интересное время – во второй половине XX в. Духовная сфера жизни несколько лет пребывала под запретом, но на сегодняшний день интерес к религии и церкви резко возрос, в обществе появляется все больше



верующих, религиозных людей, которые могут понять, расшифровать христианский код русской литературы. Знание библейских текстов, авторская их интерпретация порождают как активный процесс создания, так и процесс чтения многих современных литературных произведений с христианской составляющей.

Восприятие русской литературы через призму православия выявляет ее как литературу христианоцентричную, дает возможность выделить некий «христианский текст», существующий на протяжении последних трех веков. Наличие такого текста может быть явно выраженным в творческом наследии, а может быть сокрыто в подтексте, переплетено аллюзиями и намеками, как того требует христианский код писателя.

В поэзии С. Кековой и М. Борцовой христианский текст является творчествообразующей основой. Здесь широко представлены христианские аллюзии, мотивы, образы, библейские имена, скрытые и явные цитаты из Священного Писания. Языковым сигналом такой интертекстуальности становятся библиизмы, к которым мы, опираясь на исследования Г. А. Лилич¹, О. И. Трофимкиной, Н. И. Орловой¹ и других и определение, данное Е. М. Верещагиным, относим «отдельные слова современного русского литературного языка,



устойчивые сочетания, цельные выражения и фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании»².

Наш анализ ориентирован и на лингво-эстетические исследования С. Кековой³. Так, вслед за ней мы различаем термины «мировоззрение» и «мироощущение», считая, что степень слитности автора и мира гораздо выше при мироощущении, которое становится знаковым состоянием, порождающим не только поэзию как таковую, но и духовно-эстетическое целое автора. Исследование творчества авторов строится в двух плоскостях: воссоздаются модель мира писателя и система его мироощущения.

Мироощущение поэта представляет собой определенную систему категорий, среди которых выделяются доминанты, формирующие предметно-образный, сюжетный и другие уровни текста. Нами выделяется несколько доминантных категорий: *поэт – поэзия, религия, самоидентификация*. Категории мироощущения воплощаются в знаках, прослеживаемых в поэтических текстах. Такими знаками среди других являются библеизмы.

Филолого-религиозный и духовно-эстетический анализ произведений позволяет на их основе реконструировать доминантные категории мироощущения поэтов, выявить воплощение и метаморфозы христианского кода в поэтическом тексте.

Творчество С. Кековой и М. Борцовой пронизано библейскими мотивами, по ним а н и е многих сфер жизни имеет религиозную основу, основу православную. И, несмотря на единоверие двух авторов, роль библеизмов в их творчестве глубоко своеобразна. Прослеживаются различия в понимании дара творчества, в отношении к религии и самоидентификации себя как верующего человека.

Большей активностью в творчестве обоих поэтов обладает категория *поэт – поэзия*. В литературной традиции привычно восприятие поэтического дара как дара от Бога. Такое понимание можно проследить в творчестве М. Борцовой: *Собирала по малым крохам, / по кирпичикам по этажным / Слово, влывшее в мир истоком, / Слово – Богоявления жажду*⁴. Приведенный пример показывает не только божественное начало поэзии, но и сам принцип творчества: слово – это «кирпичик», из которого строится произведение. В тексте ее поэмы «Человек из Назарета» образ кирпичика появляется уже в контексте иного понимания творчества – как данного не Богом, а Дьяволом: *каждый кирпичик слова занял отведенную ему нишу в фундаменте выстроенной мною литературной башни. Не дай Бог, чтобы Вавилонской* (34). Сравнение здания-поэзии с Вавилонской башней – библейской реалией выявляет опасения поэта по поводу крушения,

богопротивности своего творчества. Но имя Бога появляется в этом контексте как призыв уберечь от такой судьбы и общая тональность понимания М. Борцовой дара поэтического проявляется как уверенность, что дар этот от Бога: *Дар Господний – мой голос, до конца не иссяк* (31).

Иную картину видим в творчестве С. Кековой: *Нас погубит ритмический дар*⁵; *Говорят, что хлебопашец Каин – друг и сеятель искусств, <...> / говорят, что Каиново семя приручило гусли и свирель* (26). В статье С. Кековой «Православное обоснование художественного творчества»⁶, посвященной именно двум пониманиям дара, выделяется некая идея «оправдания перед Богом за творчество путем Его восхваления возможностями этого творчества». Эта идея и реализуется в ее поэзии: *что Ты, Господи, ждешь от меня, поэта? / что прибавлю к Любви твоей и славе?* (41); *как мне сложить псалом во славу Божью, / невидимая ласточка, скажи?* (48); *Господи, прими слово мое / как покаяние души моей. / Господи, прими слово мое, / как обет вечно служить Тебе* (54). Происходит обожествление слова, язык становится священным: *и вновь распадается тело на грешную плоть и язык* (57); *Вырастает из слова / новый мир, склоняющий голову перед Господом* (61). Но талант не перестает быть тяжелым: *получила я голос для пенья / и опасный пророческий дар* (103), он ставит задачу, сложную для выполнения, – донести до слуха других слова Господа, которые часто становятся лишь *незрелыми плодами смоковницы или зернами, мимо борозды летящими*.

В доминантной категории *религия* авторы поднимают различные вопросы, которые пересекаются со всеми сферами чувств, поскольку именно религия играет смыслообразующую роль в жизни поэтов. Данная категория является основополагающей, включает в себя образы Бога и Люцифера, ангелов и бесов.

М. Борцова выявляет греховность своей жизни, поэт обвиняет себя в одном из смертных грехов: *я нарушила заповедь Божью – не сотвори себе / кумира* (31). И отсюда ведется линия восприятия Бога как карателя: *О, как тяжела ты, / Десница Господня! / одно пожеланье: / ударь не сегодня* (4); *Свистопляска стихий лихих / кара Божия – мои грехи* (11). Но кара эта справедливая, правая – за грехи. Бог – это судья, определяющий ту чашу судьбы, которую предстоит нам выпить: *Прошу Тебя, чаши / судеб перепутай* (31).

Образ Господа в творчестве С. Кековой более многопланов, сложен. Бог – судья: *лишь Бог решает – кого казнить, кого отпустить домой* (42), но судья прощающий, принимающий раскаяние: *не ложись ничком / и не плачь, а к Богу иди с молитвой* (131); *не нужно искать утешенья нигде <...> а только у Господа Бога* (148). Необходимы вечная, непрестанная молитва Богу и очищение души *покаянным огнем* – из-за греховности каждого человека от рождения. Если покаяния не совершить, в силу вступает образ Бога-карателя: *пока*



не пробил час Суда / и мир Господь не сжег, <...> покаяйся, блудная душа, слезами грех омой (128).

Образ Люцифера необычен – он тоже излучает свет, как существо Божественного порядка, но тут же дается характеристика света, исходящего от него, указывающая на дьявольское происхождение: *там источник света ложного – падавший ангел Люцифер – / <...> разрушает пенья сфер* (98).

Третьей доминантной категорией является *самоидентификация* – это процесс восприятия себя в системе мироздания.

Восприятие себя как сложного противопоставления души и тела, языка и грешной плоти – такова картина, создаваемая С. Кековой. Лишь Господь в силах освободить пленного ангела внутри, и это освобождение достигается путем молитв и покаяния. Дух противопоставляется душе, получает характеристику – *дух мятежный, лгун и гордец* (46). Но стремление к праведности, истовая вера иногда пугают поэта – такое состояние настолько разъединяет ее душу и тело, что она боится: *да, я боюсь своей души, / душа и тело чужды!* (111).

С. Кекова называет душу «паршивой овцой»: *душа – паршивая овца / в огромном стаде плоти человеческой?* (243) В данном контексте произошла сложная трансформация библиеизма. В Библии встречаем образ овцы в притче о духовном пастыре (пастухе) и заблудшей овце (Евангелие от Матфея: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?*). Данное словосочетание стало фразеологизмом со значением «о беспутном, сбившемся с пути человеке»⁷. Происходит замена компонента фразеологизма «заблудшая» стилистическим контекстуальным синонимом «паршивая» на основе негативного признака. После трансформации фразеологической единицы наблюдаем авторское употребление фразеологизма: душа лирической героини на фоне противопоставления духовного и преобладающего плотского приобретает негативный признак, усугубляющий библиеизм «заблудшая (паршивая) овца». Подсознательно точка зрения большинства воспринимается как верная, правильная, а противопоставленные ей в меньшем количестве мнения – как ошибочные. Здесь же смысловой парадокс выстраивается таким образом: большинство антирелигиозно, бездуховно, имеет лишь плотскую выраженность, а противопоставленная душа единична, она теряется в «стаде плоти» и (как задает вопрос автор), следовательно, ошибается? Вопросительная форма высказывания лишь подчеркивает невозможность такого соотношения (душа – паршивая овца) для верующего человека. Сопоставление данных образов является индивидуальным авторским пониманием, раскрывает характер лирической героини С. Кековой, ее духовное одиночество в человеческой массе. Такое одиночество вызывает

отчаяние, появляется сомнение в возможности прощения: *без больших надежд на свое спасение / буду мертвым, чающим воскресения* (206). И все же она уповает на Бога, который поймет и простит, если искренне молиться ему: *безнадежно любит нас Господь, / нас, обнаженных, плачущих и грешных* (89). Характеристика верующих людей часто несет эффект умаления, что характерно для христианской традиции. Человек перед Богом – ничто, и роль его мала и ничтожна, и грех гордыни надо преодолевать.

Для М. Борцовой изначальная греховность жизни, любви становится причиной самобичевания: *грешен. Слезы прости мне, Авва, / Чаша Божья, да не минует!* (67). Душа мучит человека, не дает ему замкнуться в своей греховности: *Только по жизни душа-недотрога / ангела алчет, а может быть, – Бога* (83). Постоянное раскаяние становится причиной временных кризисов веры, желания избавиться от душевной составляющей: *доктор, прошу, ампутируйте душу, – / душа разрослась, душа меня душит <...> где же Ваш скальпель, архангел Божий?* (110). Но отказа от веры не происходит, наоборот, лирическая героиня, как и любой другой человек, становится для Него непутевым чадом, которого Он ждет домой, как отец ждал свое чадо в притче о блудном сыне.

Религия выступает базисом для обоих поэтов, по ее законам строится жизнь лирических героинь. Сквозной образ Бога-Судьи константен для всего творчества С. Кековой и М. Борцовой. Идея Страшного суда, возмездия за свои деяния пугает авторов и понуждает к раскаянию в грехах. Но восприятие Бога неравноценно. Несмотря на высшую справедливость Бога, его прощение неравнозначно для поэтов: С. Кекова уверена, что искреннее раскаяние может очистить любой грех и привести человека ко спасению; М. Борцова не отрицает раскаяния и прощения грехов, но считает, что любой совершенный грех не исчезает бесследно, даже после прощения на душе человека остается его «печать», от которой избавиться уже невозможно.

Свободное использование поэтами библейской лексики и фразеологии свидетельствует о глубине познаний в христианской религии. Библиеизмы в их поэзии служат средством раскрытия важнейших смысловых сфер миропонимания, формируя доминантные категории мироощущения.

Одни и те же языковые единицы – библиеизмы – в идиостилях каждого поэта выявляют особое понимание и восприятие окружающего его мира, обладают особой эстетической энергией.

Итак, анализ религиозной лексики в творчестве двух поэтов обнаруживает огромный потенциал библиеизмов как лексической единицы, используемой для создания экспрессивно-эмоциональных, образных текстов, их многоуровневое, ассоциативное содержание, на знаковой основе которого можно выявить категории мироощущения поэтов, их восприятие главных смысло-



бразующих сфер. Поэтические миры С. Кековой и М. Борцовой представляют собой сложные духовно-эстетические системы, содержащие в себе свою интерпретацию христианского кода современной русской литературы.

Примечания

- ¹ См.: *Лилич Г., Трофимкина О.* Отражение библейских текстов в автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–59; *Орлова Н.* Библейский текст как прецедентный феномен. Саратов, 2008; *Она же.* Книга книг: филологический комментарий библейских текстов. Саратов, 2006.
- ² *Верещагин Е.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 58.

УДК 821.161.109+929

НЕКОМИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ НАД ЯЗЫКОМ РЕВОЛЮЦИИ

М. А. Пчелинцева

Саратовский государственный университет
E-mail: Pchela.76@mail.ru

В статье дается классификация рефлексивов русского языка. Выявляются типы некомических рефлексивов в творческом наследии писателей-эмигрантов первой волны.

Ключевые слова: языковая рефлексия, рефлексив, русское зарубежье.

Non-Comic Reflection of Russian Emigrant Writers at the Language of Revolution

М. А. Pchelintseva

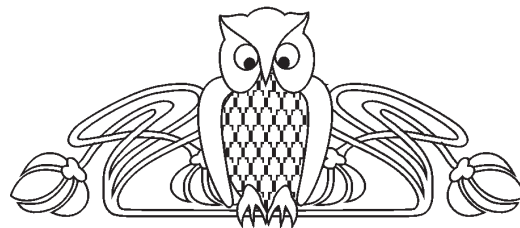
This article gives the Russian-language reflexives classification. Types of non-comic reflexives in the creative heritage of the first wave emigrant writers are found out.

Key words: linguistic reflection, reflexive, Russian-language literature abroad.

Творческое наследие писателей-эмигрантов – важная часть единой русской культуры, расколотой революцией 1917 г. Оно представляет богатейший источник для изучения оценки революции русскими людьми, наблюдавшими за революционными событиями хоть и со стороны, но очень пристрастно и заинтересованно.

Эмигрантская оценка различных сторон советской действительности и новой культуры имеет вербальное выражение, то есть проявляется на лексико-семантическом уровне. Объектами оценки являются Октябрьская революция, Советская Россия, советский уклад жизни, советский язык, советская литература, советские писатели,

- ³ *Кекова С.* Небо и земля Арсения Тарковского: метафоры христианского кода: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009.
- ⁴ *Борцова М.* После бала: стихотворения и проза. Саратов, 2004. С. 19. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁶ *Кекова С., Измайлов Р.* Православное обоснование художественного творчества // Сибирские огни. 2008. № 11. URL: <http://www.magazines.russ.ru/sib/2008/11/ke11.html> (дата обращения: 23.10.2011).
- ⁵ *Кекова С.* Плач о древе жизни: стихи разных лет. Саратов, 2006. С. 33. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁷ *Кочедыков Л., Жильцова Л.* Краткий словарь библейских фразеологизмов. URL: <http://www.bible-center.ru/dict/phrases> (дата обращения: 23.10.2011).



советский человек. Новый язык, наряду с другими явлениями советской действительности, получает вербальную оценку. Однако основная форма выражения критического отношения к языку – это рефлексия, структурным элементом которой является рефлексив.

Определение рефлексива принадлежит И. Т. Вепревой: «...законченное (хотя бы относительно) высказывание, содержащее оценку употребительному слову или выражению, формально включающее лексическую единицу “слово” или глаголы говорения и именованья»¹.

Существуют разные подходы к рефлексивам и разная их классификация. М. А. Кормилицына, например, по структуре делит рефлексивы на два вида: эксплицитные и имплицитные². Первые содержат вербально выраженный авторский комментарий, во вторых такой комментарий отсутствует.

Эксплицитные рефлексивы, в свою очередь, могут выступать в двух формах: простое комментирование и оценочное. И. Т. Вепрева называет эти формы метаязыковым комментарием и метаязыковой интерпретацией³. Метаязыковой комментарий представляет собой простое высказывание, когда субъект речи комментирует слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию. Метаязыковая интерпретация является оценочным высказыванием: говорящий выражает свое отношение к слову.

В имплицитных рефлексивах, где отсутствует вербально выраженный комментарий, рефлексия проявляется с помощью «закавычивания». Кавыч-